

18+

Арина Макарова

Четыре времени города

Арина Макарова

Четыре времени города

«Издательские решения»

Макарова А.

Четыре времени города / А. Макарова — «Издательские решения»,

Истории о нечеловеческих существах и их чудесах — прекрасных и ужасных, бытовых и не очень — давно стали сказками, мифами, детскими страшилками... но сами-то чудеса и существа никуда не делись. Они живут совсем рядом, на знакомых улицах, появляясь не только ночью или в час перед рассветом — а в любое время. В любое из четырёх времён города.

© Макарова А.

© Издательские решения

Содержание

Ночь	6
Занимательная игра	6
Сова в городе	8
Бегущая	11
Зеркало в ванной	13
Часовщик	16
Щёлк	20
Ис	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Четыре времени города

Арина Макарова

От автора

Дизайнер обложки Ирина Голубицкая

© Арина Макарова, 2026

© Ирина Голубицкая, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-8415-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эти рассказы были написаны, страшно сказать, больше десяти лет назад, и за прошедшее время я успела о них позабыть. Но случай напомнил мне о Городе и его обитателях, я сдула пыль со старых черновиков... и поняла, что они не так уж плохи.

Что-то из рассказов — а их было чуть больше — пришлось безжалостно выбросить, что-то — отшлифовать. Но всё равно можно с чистым сердцем утверждать, что эти странные гости, однажды явившиеся мне среди теней и городских улиц, остались такими, какими и были в нашу первую встречу.

Ночь

Занимательная игра

*Динь-дон монеты в моём кармане,
нож в кулаке, месяц в тумане.
Любишь меня? Пока я хорош...
выкрасишь, выбросишь, лучшие найдёшь.
Erwin*

На стене тикали часы, дурацкие, и именно за это любимые: пластиковая лиса качала головой, вертела хвостом в такт секундам, ловила часовым сачком минутную рыбу. Глаза у лисы круглые, с устремлённым в бесконечную даль взглядом.

Я сидела на полу, прислонившись спиной к дивану и ни о чём не думала.

Это очень притягательно и немного страшно — ни о чём не думать. Просто сидеть, смотреть в стену, слушать тиканье часов, бульканье фильтра в аквариуме, шаги соседей за стеной... И вроде бы ты никуда не делись — но тебя нет.

Я — это слова. Слова, которые я думаю, которые я пишу, которые я слышу... слова, которыми меня описывают. И когда слов нет ни внутри, ни вокруг — меня нет.

Закрываю глаза. Можно представить что угодно — любое чувство, любую... правду. Представить, облечь в слова, заполнить пустоту там, где была я... поверить. Такая занимательная игра!

Я представляю себе, что я влюблена — в коллегу по работе. Вспоминаю его внешность, его движения, манеру держаться, и представляю, как я могла бы его — именно такого, как есть — любить. Мне-которая-есть нет дела до него, но пустоте всё равно, что заполнит её. Я люблю его: нервного, с вечной щетиной и привычкой устало тереть ладонями лицо. Люблю целую дюжину ударов сердца.

А потом отбрасываю это чувство.

Я представляю, что я калека, что ноги мои лежат бесполезным грузом. Ноги будто наливаются свинцом, немеют. Ноющая боль поселяется в суставе бедра, а когда я на руках приподнимаюсь над полом, вползая на сиденье дивана, ноги волочатся следом как мёртвые змеи.

А потом я встаю и иду.

Я представляю, что способна колдовать.

Я представляю, что у меня за спиной — крылья.

Я представляю, что я счастлива.

Иногда мне кажется, что у меня над головой, словно воздушные шары, наполненные гелием, парят два моих мира, два мира, что я создала. Почему нет? Если я могу быть сгустком чужих слов, почему сгустки моих слов не могут стать настоящими мирами?..

Они парят, они следуют за мной, мои детища, мои стражи. Я даю им жизнь, а они дают жизнь мне. И ещё третий мир наклёвывается меж них — самый странный, самый красивый. Мир зыбких границ, изменчивости и непреходящего чуда. Он уже почти совсем мой, почти пророс — из зернышка, которое было мне подарено. Необыкновенной щедрости дар.

Миры плодятся и множатся. Их рождают, их рассказывают, их дарят и получают в дар. И кажется мне, что ещё не так давно я была где-то в другом месте. Я смотрю вокруг, и вижу лишь отголоски того, прежнего. Отголоски, от которых сжимается в груди и перехватывает дыхание, и хочется схватить эти следы прошедшего — или, быть может, несбывшегося? — схватить,

словно кончик путеводной нити, вернуться туда, сбежать... Но это невозможно. Осколки разбитого витража копятя, покрываются пылью в запасниках памяти. Чем бы ни был этот мир, тот, в котором мы живём и плодим своих химер, в нём чего-то не хватает. Чего-то незаметного, невыразимого, но очень важного, того, без чего осколки витража так и останутся просто кусками крашеного стекла.

В доме стояли редкие минуты тишины. Где-то далеко, за окном, в сотнях вселенных отсюда, шумел город, но в комнате было тихо, только пощелкивала тиками-таками лупоглазая лиса на часах. Я открыла глаза и некоторое время бессмысленно смотрела на свои руки, пытаюсь вспомнить, что это, и зачем оно мне. Когда в груди начало жечь, спохватилась и сделала вдох.

Голова вновь наполнилась словами, возвращаясь к существованию. Невольно искривились в усмешке губы — что за чуши я напридумывала? Миры, слова, несбывшееся, ушедшее... Хочется пить. Тяжело встав, я на миг прикрыла глаза, проверяя: качались над затылком два сформировавшихся мира, третий бултыхался где-то между расплывчатым облаком. Потерянное несуществовавшее прошлое смотрело в щель мира пронзительной чистоты облаком в проеме окна. Мои дети, мои сотворенные смотрели мне в спину, кто хмурясь, кто улыбаясь. Где-то меж них мелькала зелень глаз вездесущего Лофта, мягкая улыбка многоликой Смерти и помятые крылья моего хранителя, которого я вечно забываю поблагодарить.

Все на месте. Всё на месте.

— Чёрт, — бурчу я, обыскивая кухню. — Да где в этом доме хоть одна чистая кружка?!

Пластиковая лиса рассеянно качала головой, глядя в вечность.

Сова в городе

— Смотри-ка, мертвяк, — равнодушно сообщает мне Джа, приостанавливаясь на повороте во двор и вытягивая шею.

— С чего ты взял, что мертвяк-то? — удивляюсь я, вглядываясь в непроглядный заснеженный сумрак. — Да и где ты его вообще увидал?..

— Да вон, смотри, у лавки — беленькое чернеется... — Джа скалится в злой усмешке и неспешной трусцой направляется в сторону таинственного «беленького». Помедлив, я иду следом: мертвец не мертвец, но Джа на ерунду не разменивается, так что проверить стоит.

Ещё за несколько шагов до цели я слышу:

— Хм, смотри-ка, живой ещё! И даже не пьяный.

Я перехожу на бег, торопливо опускаюсь в снег у неподвижного тела. Длинный пуховик с поднятым капюшоном очень светлого песочного цвета и широченная, накинута — почему-то поверх пуховика — пёстрая жёлто-коричневая шаль. Женская, даже скорее подростково-девчья хрупкость фигуры, изломанная поза и полная неподвижность. К счастью, ни следа крови.

— Ну переверни же её, чего ждешь? — подсказывает сзади Джа.

Советчик.

— Сам бы и перевернул, не переломился бы, — бурчу я, но послушно тянусь вперёд, мгновение в нерешительности медлю — и переворачиваю тело. Не знаю, чего я ждал, но у лежащей совершенно обычное девчоночье лицо, только очень бледное. Светлые рыжеватые брови, столь же светлые ресницы, между которых виднеются былые полосы закатившихся глаз, тонкие губы, веснушчатый нос с горбинкой.

— Надо её в больницу, — говорю я.

— Не надо, — неожиданно возражает Джа, непринуждённо сидящий прямо на снегу рядом. — Она тебе спасибо не скажет.

— Уверен? — Я осторожно отвожу пух воротника, щупаю шею: пульс есть. Впрочем, Джа ведь сказал, что живая. — По-моему, совершенно обычная девчонка.

— Много ты понимаешь! — фыркает друг. — Ты и меня в своё время совершенно обычным посчитал.

— Ну извини, — ворчу я, одновременно осторожно подхватывая незнакомку с земли. Из-под задравшегося края пуховика показываются острые коленки, обтянутые джинсами. Девчонка не весит почти ничего. — Я простой редактор, а не практикующий волшебник...

Договорить мне не удаётся: висевшая до сих пор тряпчочкой, моя ноша внезапно оживает, обретая сотню острых углов, каждый из которых норовит ударить меня по лицу, груди или рукам, девчонка бьётся, как в приступе, невозможно выгибаясь и крича — пронзительно, бесвязно, словно попавшая в силок птица, и мне приходится приложить немало усилий, чтобы хотя бы не уронить её обратно на снег. А потом Джа ловит её взгляд, страшно оскаливается и рявкает: «Спать!». И девушка вновь затихает.

— Сразу... этого нельзя было... сделать? — задыхаясь, спрашиваю я, перехватывая её поудобнее.

— Извини. Растерялся, — ухмыляется в ответ Джа.

Иногда я его почти ненавижу.

Без пуховика и шали моя внезапная спасённая выглядит ещё меньше. Я укладываю её на диван — единственное спальное место в моей хрущовке, — поразмыслив, расстёгиваю пуговицу на джинсах: чтобы не давили. Что делать дальше? Похлопать по щекам? Положить мокрую тряпку на лоб?..

— Не кипиши, — лениво говорит Джа, входя из прихожей и вытягиваясь на ковре. — Укрой одеялом, пусть поспит. Когда проснётся — дашь воды и мяса.

— Мясa?!

— Сырого мяса. Так что иди, достань из морозилки... что там у тебя есть.

Некоторое время я смотрю на Джа со скепсисом и недоумением, но его смутить невозможно. Сдавшись, иду на кухню, выуживаю из морозилки кусок свинины на кости, поразмыслив, засовываю в микроволновку, в режим разморозки. Наливаю воды — себе.

— Не забудь мясо ломтиками порезать! — кричит из комнаты Джа.

В стену кухни принимаются стучать, требуя прекратить шум и унять собаку. Микроволновка утробно гудит.

...Гостя приходит в себя около часа ночи. Я ещё не сплю — сижу у компьютера, лениво листая бесконечную ленту соцсетей. Джа размеренно сопит прямо на ковре у дивана.

— Аак... ааш-ак... — неестественно высоким голосом выговаривает девушка. Впрочем «выговаривает» — не самое удачное слово, эти звуки больше похожи на сонное клекотание, чем на слова.

Я мягко, без резких движений встаю из-за стола. Девчонка вкидывается и разворачивает ко мне голову — быстрым, нервным движением. Её глаза с расширенными зрачками отчётливо освещаются в темноте зелёным.

— Тише, — шёпотом говорю я. — Я сейчас принесу тебе воды. И мяса.

Девушка быстро моргает, молчит. Её короткие бледно-рыжие волосы торчат в стороны, словно перья.

Вернувшись с миской наструганного мяса и кружкой воды, я вижу, что девчонка всё так же сидит на постели, подобрав под себя ноги, а Джа, положив голову на край дивана, смотрит на неё исподлобья. Молча.

Когда я вхожу в комнату, он едва заметно передёргивается — не с отвращением, а словно бы в нервном порыве. Говорит, не оборачиваясь:

— Её зовут Софья. Она из северных кланов. Был бой со стаей Ночных. Её оглушили. Больше не помнит ничего.

— Бой? — переспрашиваю я, ставя на колени Софьи миску. — Северные кланы?.. Господи, в каком веке мы живём? И в каком мире, если на то пошло?

— А чёрт его знает! — фыркает Джа. Софья тихо хихикает над его словами, Впрочем, тут же обрывает смех, опускает глаза.

— Вода, — спокойно говорю я, подавая ей кружку. Руки у девушки дрожат.

В седьмом часу утра на улице всё ещё тьма египетская. В квартире неожиданно жарко, и я приоткрываю створку окна на кухне, стою, рассеянно разглядывая смутные очертания крыш — словно неровный, с торчащими шипами хребет огромного зверя. В такие моменты мне немного жаль, что я не курю.

— Мне... пора, — шёпотом говорят сзади. Тихо стучает о поверхность стола посуда.

— Сейчас? — спрашиваю я, оборачиваясь. Софья стоит у стола уже полностью одетая. Шаль, свисая складками, кажется похожей на крылья. — Подождала бы хоть, пока транспорт пойдёт...

— Я сова, мне сейчас самое время домой возвращаться да спать. — Софья чуть улыбается. У неё удивительно мягкая улыбка и острый птичий взгляд светло-карих глаз. — А транспорт мой всегда при мне.

— Тогда пожалуйста в комнату, мадмуазель, — шутовски-галантным тоном говорит Джа из сумрака за спиной Софьи. Тёмный на тёмном, сейчас он невидим, только глаза горят синим, как болотные огни. — Тут у нас всё окно сеткой затянуто, а вот балкон даже не застеклён.

— Спасибо, — говорит девушка, и непонятно — относится это к словам Джа или к оказанной нами помощи в целом. Она разворачивается и идёт обратно в комнату. Расстояние здесь всего ничего, но почему-то я не успеваю за ними обоими, оказываясь на пороге комнаты только в тот момент, когда Софья уже стоит, чуть покачиваясь, на узких перилах балкона. На миг мне становится страшно от этого зрелища, и я бросаюсь вперёд, увязая в расстоянии, как в меду. Софья поворачивает голову — почти на полкруга, как люди не могут, — произносит:

— Спасибо, Говорящий.

И опрокидывается вперёд и вниз, взмётывая края шали, исчезая... Словно лопается какая-то струна, я практически влетаю грудью в перила, перевешиваюсь, ища взглядом её фигуру.

— Да не туда смотришь, дурак, — говорит Джа, опираясь на ограждение рядом со мной. Кивает башкой куда-то вправо и вверх: — Вон она, полетела...

— Точно, — бездумно отзываюсь я, провожая глазами светло-песочный силуэт птицы. — Сова-сипуха, если я хоть что-то помню из биологии... Странно, я думал, они не водятся в городах?

— В нашем городе водится всё, — щурится Джа.

С соседнего балкона доносится кашель, недокуренная сигарета красноватым росчерком падает вниз.

— Слушай, сосед, — хрипло говорит Виталий, зябко кутаясь в махровый халат и глядя на нас с Джа странным, затравленным взглядом. — Мне пофигу, что ты там делаешь — с собаками разговариваешь, птиц выгуливаешь... но сделай так, чтоб твой кобель больше не лаял по ночам! У меня дети спят!

— Попробую, — говорю я, пожимая плечами.

Чёрный волкодав Джа склоняет набок мохнатую голову и скалится, вывалив язык.

Бегущая

Тьма приходит каждую ночь. Вползает тяжёлым туманом в окна и двери, струится вдоль стен, затекает под мебель — старую массивную мебель с кривыми ножками. Словно пыль в нежилом доме, постепенно заполняет комнату — начиная со щелей, углов, ящиков и полок...

Город затихает. Всё реже шум проезжающих машин, одно за другим гаснут окна в доме напротив, низкие влажные осенние облака опускаются сверху колючим шерстяным пледом, и все звуки словно глохнут в вязком сумраке, который не разогнать фонарям.

Я прячусь от тьмы за книжными листами, за музыкой, за светящимися экранами телевизора, компьютера, да хотя бы телефона! Поджимаю зябко пальцы на ногах, оглядываюсь за спину, ища взглядом собственную тень — но она, предательница, ускользает, двоится, вливается в темное море, вступает в армию ночи.

«Это всего лишь темнота!» — говорят мне днём.

«Ты же уже взрослая, как ты можешь верить в страшилки?» — говорят мне днём.

«Да что там может скрываться такого, чего нет при свете?» — говорят мне днём.

«Гаси все. Сколько можно сидеть за компьютером?» — говорит мама, и выключает свет в коридоре.

Темнота наступает. С каждой минутой она сильнее, с каждым погасшим огнём она сильнее. Тени окружают постель, горбят мохнатые чёрные спины. Их когти, соприкасаясь с полом издают не стук — тень стука.

Я зажмуриваю глаза, кутаюсь в одеяло — старый детский способ спасения. Снова и снова нажимаю на клавиши постоянно гаснущего телефона.

Тени топчутся вокруг, фыркают едва слышно.

В неосторожно выставленные из-под одеяла пальцы утыкается холодный нос, с жестяным звоном падает на пол серебро...

...тени поднимают вой.

Я бегу по ночному городу, а тени бегут за мной.

Они ликующе поют, как гончие, преследующие добычу, и я вплетаю свой голос в их хор.

Черные гончие, теневая стая, пожиратели кошмаров — мои подданные, мои палачи! Я мчусь впереди них всех, я бью босыми пятками по многоцветным камням мостовой спящего города — по снам людей. И те камни, что зашевелились под моей ногой, показывая чёрные пятна кошмаровой гнили, станут добычей теней, следующих за мной.

Людам не увидеть меня, а увидев — не узнать. Ведь походка моя легка, как никогда у людей, спина сутула — я клонюсь ниже, вытягиваю шею в поисках следа. Обрывки мечтаний и надежд, подхваченные мной с земли, словно ненужное никому конфетти, взъерошенными перьями прикрывают моё тело — не я начинала плести эту накидку для Бегущей, не я закончу. И маска — проклятие, дар, повинность и привилегия, гладкая лживая серебряная улыбка, скрывавшая сотни самых разных лиц...

Не бодрствуйте после полуночи.

Не открывайте окон ночной грозе — однажды я оступлюсь, умру, исчезну, и в бессонную грозовую ночь в ваше окно может вскочить темная горбатая псица с серебряной маской в стозубой пасти.

Вы не сможете не поднять эту маску.

Вы не сможете её не надеть.

И тогда многоцветное тряпье укроет уже ваши плечи, и вы побежите, топча мостовые чужих снов, побежите ведя стаю пожирателей кошмаров. И в вашей стае будет на одну тень больше... быть может даже, именно я и буду той, что выберет ваше окно.

Вы побежите из ночи в ночь. Пока не споткнетесь, как однажды я.
Каждый раз, выбегая в ночь, я боюсь не вернуться.

Зеркало в ванной

— Свет мой, зеркальце, скажи... — сонно пробормотала я, вползая с утра в ванную комнату и почти повисая на умывальнике. — Впрочем нет, молчи, сама вижу.

Из глубины овального стекла на меня смотрело обрамлённое стоящими дыбом волосами лицо — бледное, в красных пятнах и заломах от наволочки, «радующее» припухшими веками, синевой в подглазных впадинах и розоватыми от расширившихся сосудов белками глаз. Зеркало, разумеется, благоразумно молчало, как ему, в общем-то, и полагается. С тихим стоном закрыв глаза, — организм тут же попытался задремать снова, — я на ощупь открыла кран и принялась плескать в лицо холодной водой.

— Просто спать надо чаще! И больше, — сообщила из-за спины мама. — Вчера во сколько вернулась, а?

— Мам, ну не начинай... — невнятно пробухтела я в полотенце.

— Я и не заканчивала! Олесь, ну сколько можно мотаться по ночам неизвестно где? Ты подвергаешь опасности себя, ты устраиваешь неприятности другим... в конце концов, ты не высыпaeшься!

— О да, высыпаться — это самое главное! — Я проскользнула между мамой и косяком и направилась на кухню. Мама пошла следом. — Один вопрос: куда?

— Что — куда?

— Куда высыпаться-то?

Несколько секунд она смотрела на меня со смесью недоумения и неодобрения, потом фыркнула:

— Иди уже оденься, острячка. Тебе ещё на работу сегодня, если ты вдруг забыла.

— Забудешь тут с вами.

Рабочий день был долг и скучен, а оттого ещё более утомителен. И не говорите мне, что сидеть в офисе — ничего сложного!

Когда я вошла в квартиру, одной рукой пытаюсь затолкать в карман ключи (задача усложнялась висющими на этой же руке сумкой и пакетом с продуктами), а другой — растирая ноющий висок, мама стояла в ванной. В распахнутую дверь я видела, как она, с выражением глубочайших неразрешимых сомнений на лице, медленно-медленно водила по стеклу тряпичной салфеткой, стирая почти не видимые глазу разводы, и одновременно пристально и мрачно вглядывалась в его мутноватую глубину.

— У тебя всё равно не выйдет, — мягко сказала я, ставя пакет на пол и закрывая дверь.

— Знаю. Просто пыталась представить, каково это — каждую ночь... — Она повернулась и остро взглянула на меня. — Та-ак! Опять мигрень?

— Мигрень — это аристократическая болезнь, — хмыкнув, ответила я бородатым анекдотом, — а у меня просто жбан раскалывается.

— Значит, поддержишь свой жбан сегодня дома! А то ещё протечёт где-нибудь невовремя.

— Ну мааам!.. — проныла я.

— Не мамкай, я серьёзно.

— Вот именно, что это всё серьёзно! Между прочим, это лучший способ избавиться от головной боли.

— И заработать её на следующие сутки.

— Мам, ну я ненадолго, честное слово...

— Твоему честному слову — грош цена в базарный день! Ты и вчера обещала недолго, если помнишь.

— Меня Серые совы с северка задержали.

— А позавчера — тоже совы? И неделю назад?

— Мам, ну я же не смогу так... ты себе представить не можешь, что это такое...

— Говоришь как алкоголичка, — раздражённо проворчала она, снова с каким-то остервенением, принимаясь протирать и без того чистое стекло. — Будь проклят тот день, когда мы купили это чёртово зеркало!

— Зато ты всегда можешь с одного взгляда узнать о человеке всё, прямо как Шерлок Холмс, — я заговорила льстиво, почти заискивающе.

Мерзкое ощущение — словно я и правда алкоголик, выпрашивающий «стопарик».

— Да лучше бы уж как Холмс, он-то хоть логикой пользовался, а не фокусами в стиле Кашпировского. Ох, разбить бы проклятую приبلуду, так ведь... — мама тяжело вздохнула. Я представила — и содрогнулась, невольно скосив взгляд на дверь кладовки: там, завернутые в несколько слоев полиэтилена, бумаги и тряпок, запертые на задвижку, словно из опасения, что они вырвутся, стояли мои костыли. Кресло мы, хвала богам, продали три года назад.

...Я с детства страдала неизлечимым пороком тазобедренных суставов, не позволявшим мне передвигаться без опоры. Врачи уверяли, что не поможет даже операция. И так и ковыляла бы я до конца жизни на костылях да в кресле ездила, но вмешался... бог, чёрт, колдун — кто его знает, он не представился.

Несколько лет назад, когда мы в погожий осенний день гуляли по городу (я ехала в кресле, разумеется), возле одного из тех развалов, где можно купить, кажется, всё, что угодно — от советских алюминиевых ложек до святого грааля, — к нам прицепился торговец. Он был хром, тощ, юрок, а хитрющий взгляд чёрных глаз заставлял нервно прижимать рукой карман с кошельком. Болтал торговец без умолку и, невзирая на наше сопротивление, он умудрился продать нам две истёртых советских медных монеты, об рисунке на которых можно было сказать лишь то, что он есть, и старое круглое зеркало: вместо стекла — гранёная пластина настоящего хрусталя, серебряная амальгама от старости вспучивалась в нескольких местах крупными неровными пятнами, и ещё чуть не сотней мелких пузырьков по всей площади зеркала... Словом — старое, страшное зеркало, даже без толковой оправы. Но тут уж как с цыганками, выманивающими деньги — уболтали нас так, что факт покупки мы осознали лишь дома, и, пересчитав деньги, обрадовались, что дёшево отделались — всего-то шестьсот рублей с небольшим, сумма по тем временам чувствительная, но не критичная...

А той же ночью *это* произошло в первый раз.

— Ты хоть поужинаешь? — тяжело спросила мама, разрушая наполненное не слишком приятными воспоминаниями молчание.

— Конечно, кто ж на голодный желудок из дома сбегает? — бледно улыбнулась я в ответ.

Про то, чем мы на самом деле могли заплатить за зеркало и прилагающиеся к нему тёмные чудеса, мы обе старались не задумываться.

Я стою в ванной, упираясь руками в умывальник.

Желтоватый электрический свет косо падает на круглое зеркало — отстающая амальгама, мутноватый от времени хрусталь, — отчего моё отражение кажется бледной проекцией на фоне лунного диска. Я смотрю в свое лицо не отрываясь, не моргая даже тогда, когда в глазах начинается резь. Я жду.

И вот, на пару мгновений мой взгляд мутится, я с облегчением прикрываю глаза, а когда открываю их вновь — мое отражение отчетливо мне подмигивает...

...подмигивает, поднимает к лицу руки — мои по-прежнему крепко сжимают края раковины, — хватает себя за кончик носа и тянет.

Нос послушно вытягивается, вместе с ним искажается линия скул, нижняя челюсть выдвигается вперед с секундным опозданием (я несколько раз клацаю зубами, чтобы выровнять прикус). Олеся-в-зеркале ещё раз оглаживает вытянутую морду, вслед за прикосновением ладоней обрастающую рыжевато-черной шерстью, небрежным движением вытягивает заостренные лопухие уши и резко опускает руки. А волна трансформации устремляется от головы вниз, к остальному телу.

Летучие лисицы — животные, мягко говоря, не слишком свойственные средней полосе России. Даже совсем не свойственные. Потому, выбравшись в открытое мамой кухонное окно, я довольно долго выжидаю, чтобы в пределах видимости было как можно меньше прохожих, которым я могла бы попасться на глаза. Мама, закрывая створки вполголоса ворчит, что, мол, опять я поцарапала подоконник, отравила когти на её голову, и вообще, нет, чтобы оборачиваться кем-нибудь помельче¹...

Я не обращаю внимания: она всегда ворчит — и всегда беззлобно. Я распахиваю кожистые крылья, срываясь в неровный полет, приоткрываю пасть, издаю негромкое для стороннего уха пощелкивание, чтобы сориентироваться в густой темноте. Чуть в стороне слышится похожее пощелкивание — видимо, Славка прилетел меня встречать, сегодня у стаи есть дела где-то далеко, где я ещё не бывала.

Маме нелегко, знаю — вся жизнь, как какой-то дрянной мистический фильм. Но сейчас я не хочу, не могу об этом думать — у меня есть крылья, есть стая, есть ночь.

И до рассвета ещё целая вечность.

¹ В размахе крыльев летучие лисицы могут достигать полутора метров.

Часовщик

К нему приходят в последнюю очередь, когда все иные средства исчерпаны, и больше надежды нет. Впрочем, приходят далеко не все — некоторые так и не решаются: не потому, что он требует высокую плату, и не потому, что он не выполняет обещанного. Просто суеверный страх перед делами, что ему приписывают, сильнее циничного реализма современных людей.

Но если ты пребываешь в отчаянии...

Суворова Алла была в совершенном отчаянии. Врачи, гомеопаты, знахари, экстрасенсы, бабки-шептуньи, колдуньи — она обошла всех, но результата не было. Её Саша таял, как свеча — острый лейкоз выедал его изнутри, убивая один орган за другим. Неизлечимо. Болезнь зашла слишком далеко.

И вот тогда-то коллега нашептала ей про Часовщика.

Говорят, он может избавить от любой болезни.

Говорят, выполнить его условия нелегко.

Говорят, он с каждого берёт *свою* плату.

Говорят, он поворачивает время вспять.

Говорят, он сам дьявол.

В тот же день Алла дозвонилась до него и договорилась о визите.

Жил Часовщик в панельной десятиэтажке в старом районе. Обычные серые дома, обычные деревья — большей частью тополя, изуродованные садистским обрядом ежегодного подрезания ветвей, обычные машины разной степени обшарпанности и запылённости, в изрядном количестве упиханные в маленький дворик.

В подъезде (сломанный домофон и слабый, но не выветривающийся запах кошек) Алла некоторое время стояла, собираясь с мыслями и духом. Подумала было покурить, но не рискнула — мало ли, вдруг он не любит запаха дыма... потом решительно выдохнула и поднялась на верхний этаж.

Дверь искомой квартиры выглядела чуть презентабельнее соседних — чистый, гладкий, явно недавно перетянутый дерматин, с завивающимися в галактическую спираль медными шляпками кнопок, аккуратный звонок, не покрытый, в отличие от своих собратьев на других дверях, слоями облупившейся краски.

Снова поймав себя на оттягивании пугающей встречи, Алла решительно вдавила чистенькую кнопку звонка. С той стороны не донеслось ни звука.

«*Не работает, что ли?*» — подумала Суворова, но в этот миг дверь открылась. На пороге стоял молодой парень — невысокий, худощавый, даже тощий. Странного оттенка светлые волосы коротко острижены, только надо лбом дыбом стоит нелепая челка. Длинный нос, тонкогубый рот с устало опущенными уголками, светлые, как вода, глаза. Вокруг правого — красноватый след, как от монокля. Хозяин квартиры был бос, одет в домашние штаны, серую футболку и безразмерный брезентовый передник с кожаными карманами.

— Добрый день, — без интереса окинув женщину взглядом, проговорил парень хриловатым баритоном. — Вы к кому?

— Вы... вы Часовщик, верно? — спросила Алла. Голос почти не дрожал.

— Верно. Но я только по механическим, электронные чинить не возьмусь, уж извините, — скукаяще сообщил великий и ужасный, глядя куда-то вниз. Скосив глаза туда же, Алла обнаружила, что нервно теребит браслет своих часов.

— Нет-нет... я не за этим... вы назначили мне встречу, и я...

— А! — вот теперь парень слегка оживился. — Простите, замотался, забыл... Проходите.

Квартирка у него была тесноватой и чистой, но казалась нежилой — так мало в ней было вещей. Полупустая вешалка, гостевые тапки и пара растоптанных кроссовок в прихожей, в комнате — рабочий стол, с минимумом инструментов, диван-книжка, накрытый выцветшим пледом в шотландскую клетку, многочисленные полки на всю стену. И вот на полках-то было тесно от разномастного содержимого. Присмотревшись, посетительница поняла, что всё это были часы — целые и полуразобранные, часы с маятниками, нелепо торчащими в стороны, карманные, с разной длины цепочками, наручные, с ремешками и без, а так же водяные клепсидры, навевающие ассоциации с эпохой пара, оплывшие толстые свечи с делениями, стеклянно поблескивающие колбы песочных часов, солнечные, похожие на циркуль, воткнутый в транспортир или на тарелку с косыми мачтами и парусами этих... как их... память подкинула невесть откуда взявшееся в ней слово «гномон»².

— Коллекция, — с короткой как блик света, улыбкой сказал Часовщик. Уселся за рабочий стол, придвинул к себе брегет со снятой задней крышкой, погримасничав, пристроил к правому глазу специальную лупу в пластмассовом корпусе и сразу стал похож на какого-нибудь киборга из дешёвой космооперы. Сказал: — Я прошу прощения, вы рассказываете, я вас слушаю. Просто мне нужно закончить с этим уже сегодня, а работы тут ещё прилично.

И Алла стала рассказывать — про сына Сашеньку, про болезнь, врачей, осложнения, шарлатанов и шептуний... Часовщик ковырялся тоненькими инструментами в зубчатом нутре брегета, кивал, неодобрительно хмыкал, время от времени коротко вскидывал взгляд на рассказчицу, заставляя её невольно вздрагивать.

— ...А потом мне посоветовали обратиться к вам, сказали, вы можете помочь, — тихо закончила Алла.

Часовщик тяжело вздохнул, отложил тоненький щуп, которым орудовал последние пару минут, с хрустом выпрямил спину. Уставился на гостью одним глазом, не скрытым лупой.

— Я-то могу, — веско уронил он. — Да только сможете ли вы сделать всё, как я скажу?

— Что угодно, клянусь вам...

— Вот клясться не надо, по крайней мере, столь необдуманно. — Он помедлил, аккуратно положил лупу на стол (красный след вокруг глаза теперь был двойным). — Давайте так: я называю цену. Не согласны — до свидания, согласны — я объясняю, что делать. Сделаете в точности — будет ваш Саша здоров, не сумеете — я предупреждал. Ага?

— Что за цена? — без колебаний спросила женщина. Что угодно, любую сумму...

— Месяц вашей жизни.

— ...что?

— Кхм, я имею в виду — нотариально заверенную расписку, что вы передаёте в моё безраздельное владение и пользование месяц вашего времени. Уточняю: не вас самих, не ваше присутствие, не ваш труд на моё благо — только ваше время. Время как субстанцию, я бы даже сказал.

— Но... но... это же будет просто дурацкая бумажка, пусть и с печатью! — не выдержав, воскликнула Алла. — Зачем вам это?

— Ну, если вы думаете, что это будет просто бумажка, то что же вы вообще здесь делаете? Ведь я, если мы договоримся, верну здоровье вашему сыну отнюдь не лекарствами, — парень чуть прищурился, и взгляд его неожиданно стал тяжёлым, как каменная плита. Алла выдержала его всего пару мгновений и опустила голову. Увы, в её положении и за соломинку схватиться...

— Хорошо, я согласна отдать вам этот месяц. Что мне нужно делать?

² Гномон — вертикальный элемент в солнечных часах, от которого падает тень.

— Вы должны принести мне все материальные упоминания болезни сына — записи врачей в карточке, рецепты, анализы, письма, записки с холодильника, все, что есть, все что сумеете достать — любыми способами. Кроме того, сотрите все сообщения в телефоне и интернете, и добейтесь, чтобы их адресаты сделали то же самое. Понимаете? Мне нужно, чтобы болезнь вашего сына не упоминалась — нигде. Никак. Ни одним словом. Сможете?

Алла замерла.

Все записи? ВСЕ записи?! Включая больничные документы, к которым пациентов и их родных не допускали?.. Да как же это?..

— Учтите, — безжалостно добавил Часовщик, — чем больше записей останется, тем вероятнее, что болезнь вернётся. А второй раз и я не смогу ничего сделать.

Повисла долгая тишина.

«В конце концов, нечистых на руку медсестёр и взятки ещё никто не отменял...» — делано бодро подумала Алла.

— Хорошо. Я всё сделаю. Когда это нужно принести вам?

— Как только закончите, — отрезал Часовщик.

Как она покинула эту негостеприимную квартиру, Алла не помнила.

Бумаги Суворова Алла принесла через три дня. Оперативно.

Заверенная расписка о передаче месяца жизни лежала сверху, оформленная на предъявителя — неплохо, а то он гадал, как женщина собиралась решить этот вопрос, ведь спросить его настоящее имя Суворова так и не решилась.

— И что теперь? — тихо спросила она, не отрывая взгляда от пухлой папки в его руках — так, словно в этих бумажках была сама жизнь её ребенка. Впрочем, не так уж она была не права.

— Теперь — идите к сыну и ждите. Скоро ему станет лучше. — Подумав, он чуть смягчил тон и добавил: — Мальчик крещёный? Нет? Тогда мой вам совет: как только сын сможет ходить сам, отведите его в церковь и окрестите. Благословение, новое имя — хорошие обереги.

— Я... обязательно... вы... спасибо! Спасибо вам, огромное! — залепетала женщина. Прежде чем она успела как-то его коснуться, Часовщик отступил назад и закрыл дверь.

Послушав ошеломленную тишину по ту сторону, прошёл на балкон, где уже стоял наготове большой железный таз, и сложил все принесённые бумаги в него. Достал из кармана коробок спичек, чиркнул, поджёг. Закурил.

Дым сигареты смешивался с густым дымом бумажного костра — и в воздухе, и в горле, отчего на языке скапливалась кисловатая горечь, и страшно тянуло на чих. Когда бумаги уже догорали, откуда-то снизу донеслись возмущенные вопли, мол, «опять этот сын падшей женщины устроил поджог, и теперь весь невинно страдающий дом обречён сгореть в порочном пламени». Часовщик внимательно выслушал весь выразительный монолог, щелчком отправил окурок на улицу и принялся ворошить пепел в тазу, растирая его в пальцах, разбирая спёкшиеся комочки, оставшиеся от рентгеновских снимков.

Мелкие облачка пепельной пыли поднимались к лицу, щекоча в носу и порождая резь в глазах, а руки очень скоро почернели как у трубочиста, причем, ему было не привыкать. Наконец результат его удовлетворил, и, пересыпав изрядно уменьшившуюся в объёме чёрно-серую массу в глубокую миску, Часовщик пошёл мыть руки.

Вернувшись с полотенцем на плече, он неторопливо оглядел полки, выбирая, придвинул единственный стул и выудил с верхней пустую колбу песочных часов. Совершенно обычных — стекло и пластмасса казенного синего цвета, только что размером с две пол-литровые бутылки, составленные горлышко к горлышку.

Поставив колбу на стол, Часовщик некоторое время сидел неподвижно, собираясь с мыслями. Опять хотелось курить, но теперь уж пока не закончит...

«Ладно, хватит тянуть».

Решительно подковырнув уже изрядно поцарапанную крышку, он дотянулся до миски с пеплом и принялся аккуратно пересыпать оный в часы. Мелкая серо-чёрная труха тут же чуть слышно зашуршала, тонкой струйкой стекая в нижнее отделение стеклянной конструкции. Выскребя из миски все до последней крошки, он нахлобучил синюю пластмассовую крышку на место и закрыл глаза.

Пепла было много, и Часовщик едва не заснул, дожидаясь, пока не прекратится тихое шуршание. С трудом разлепив глаза, он обнаружил, что в комнате стоит полумрак. Что ж, тем лучше...

Нашарив расписку Суворовой, хозяин дома аккуратно порвал официальную бумажку на шестнадцать частей, повозился некоторое время, выкладывая из обрывков подобие восьмилучевой звезды вокруг стола.

Сел на место.

Медленно, тяжело вздохнул.

И дважды перевернул часы.

Если бы кто-то смог заглянуть в тёмное окно десятого этажа, возможно, он сумел бы рассмотреть весьма странную картину.

Почти пустая комната, полки с остановившимися часами — и горящая на полу ровным тусклым светом октограмма, в центре которой стоят стол и стул. На стуле сидит тощий седой парень и, не отрываясь, смотрит, как в старинных песочных часах из хрустального стекла и синей стали оборачивается вспять время, заставляя пепел тонкой струйкой течь снизу вверх.

Впереди месяц ожидания... или всего одна ночь — тут уж с какой стороны октограммы смотреть.

Щёлк

У него злые, чёрные глаза; тускло-рыжие с вкраплениями седины волосы, жёсткие, как собачья шерсть; костистое лицо; прямая спина и такие длинные пальцы, что, сложи он их щепотью, в получившейся «клетке» могла бы жить канарейка.

Когда он приходит, первым, что я делаю, обычно становится попытка его ударить — как правило безуспешная. Затем я говорю ему:

— Убирайся, сама разберусь!

Он скалит в ответ острые зубы, желтоватые, как старая слоновая кость, и поворачивается ко мне спиной.

У меня в кармане всегда есть нож, или кастет, или шило — на худой конец. Но он всегда поворачивается ко мне спиной. Хоть и знает, как я его ненавижу.

— С кем ты там разговариваешь? Шиза догнала? — спрашивает очередной придурок. Такие как этот, всегда до зевоты однообразны в высказываниях... Не понимаю, почему они вечно ко мне цепляются? Я не богатая киска, которую можно было бы «пощипать», а то и присунуть ей в каком-нибудь тёмном проулке. Не какая-нибудь неформалка, вызывающая желание настучать кирпичиком по маковке, чтобы не выпендривалась. Не крутая гопница-танк или кто-то вроде, чтобы хотелось показать свою крутизну, победив меня в не особенно честной драке.

Я просто иду за хлебом. Или с работы. Даже не особенно поздно иду, чтоб им всем!..

— Ага, догнала, — говорю я кандидату в трупы. Мой тощий дьявол-хранитель, неторопливо приближается к гопнику, раскачиваясь, приседая и перетекая с места на место так, словно вместо ног у него стальные пружины. Чёрт его знает, может, так и есть. — Сейчас и тебя догонит. Вали, пока цел, послушай опытную меня.

Они никогда не слушают. В наше время отвратительно поставлено обучение основам магической безопасности — никто не поверит в опасную потустороннюю хрень, пока та не сожрёт товарища. И то ещё посомневаются...

— Ты чо, наркоша штоле? — намеренно выламывая слова, тянет смертник. Рыжая с проседью голова поворачивается в мою сторону на тощей шее, как на шарнире. Залитые смоляной чернотой раскосые глаза вопросительно шурются.

— Как же я ненавижу этот «падонкафский» сленг, — тоскливо тяну я. — Ну хоть бы один говорил по-русски...

Я никогда не говорю ему «фас», или «можно», или «убей». Да он и не нуждается в таких прямых указаниях — достаточно тона голоса или выражения омерзения на лице.

— Ты чо... — начинает неудачливый грабитель и осекается захлебнувшись даже не болезненным — удивлённым вскриком, когда пальцы-клетки смыкаются на его горле.

Я не знаю, что именно пожирает демон — душу, жизненную силу, ману, ци или ещё какую хрень. По крайней мере, не плоть и не кровь точно — и на том спасибо. Не люблю я всю эту расчленёнку.

— Ну что, доволен? — раздражённо интересуюсь я у рыжего. Он роняет труп бледного до синевы парня на грязный, смешанный с солью снег и скалится в сытой усмешке. — Скотина. Это ведь ты что-то сделал, чтобы они ко мне липли, ведь ты же! А потом приходишь и типа спасаешь. Пожрать ты приходишь, спаситель хренов!..

Он не делает ни шага, но вмиг оказывается рядом со мной. Длинные паучьи пальцы смыкаются на моём горле — так нежно... Я закрываю глаза — каждый раз закрываю глаза, хоть и знаю, как он меня ненавидит. Это тоже традиция, как и мои несправедливые обвинения.

— Лезвия ножниц тоже не рады друг другу, — говорит он.

— Но чего они стоят по отдельности? — говорит он.

— Пока мы остры — мы нужны Ему, чтобы срезать больные побеги, — говорит он. — Щёлк. Понимаешь?

— Понимаю, — говорю я. Скашиваю глаза на труп. — Щёлк. Щёлк-щёлк.

Он улыбается, не размыкая длинных тонких губ, на миг сжимает пальцы так, что мне становится нечем дышать — и отпускает.

— Ты не помнишь, куда я шла? — спрашиваю я.

— Хлеб. Молоко. Геркулес. Что-нибудь к чаю. И вызови труповозку.

— Без тебя знаю.

— Пока-пока, ягнёночек-на-приманку.

— Иди в задницу.

Он исчезает сразу, целиком, без всяких там тающих в воздухе улыбок или клубов дыма.

Я поднимаю с земли сумку — и зло пинаю мертвеца в бок. Этотдохлый урод мне ляжку оторвал... правильно Щёлк его сожрал.

«Хлеб, молоко, геркулес... печенек взять или зефира? Ах, да. Пока не забыла...»

— Алло? — ткнув в кнопку экстренного набора и прождав гудки, говорю я. — Скорая? Тут человеку плохо, он лежит на земле, не шевелится, и он синий!.. Нет, не пьяный! У него губы синюшные... дыхание? Не знаю, я боюсь его трогать, а вдруг он умер!..

Ис

Он приходит, когда на улице окончательно темнеет.

Не звонит в домофон, не открывает дверь — просто приходит. Ванька про себя привычно поражается этой способности «просто прийти» куда угодно, словно замки и идущий существуют в разных мирах. Поражается, хоть и прекрасно знает, кто такой его гость на самом деле.

Впрочем, этого Ванька не показывает, продолжая возиться с немудрящим ужином и делая вид, что не замечает тихого шороха шагов в коридоре.

— Снова макароны? — спрашивает Ис. Ванька наконец оборачивается, смущенно улыбаясь краем рта. В кухне чуть ощутимо пахнет Исом — песок, благовония и тлен.

— Здравствуй.

Ис стоит в дверях, и взгляд его глаз — жёлтых, как янтарь, холодных, как осенний закат, — падает и падает Ваньке на лицо, на плечи, мягко, словно первые хлопья снега. Глаза у Иса вытянутые к вискам, обрамленные короткими и густыми прямыми ресницами, завораживающие... древние, как время. Наверное, похожие были у драконов — ведь это с ними, по легенде, нельзя встречаться взглядом?..

В самом начале их странного общения Ваньке понадобились недели, чтобы научиться первым отводить глаза.

В кухне темновато из-за слабенькой лампочки в помутневшем пластиковом абажуре, в коридоре свет вообще не горит, и за спиной Иса едва заметно колышутся потревоженные тени. Одна из них, кажется, пытается сложиться в собачью голову, но её снова и снова размывают другие.

— Выкипят сейчас, — говорит Ис. Он как-то сразу, без перехода, оказывается сидящим у стола, боком к плите и Ваньке, которому теперь хорошо виден его длинноносый острый профиль и кончик уха, торчащий между прядей отросших тёмных волос.

Эта его способность тоже неизменно впечатляет Ваньку, видимо, поэтому он не сразу понимает обращённые к нему слова, и приходит в себя только тогда, когда белесая пена лезет через край, норовя залить синеватое газовое пламя.

«Идиот», — устало думает Ванька, убавляя огонь. Милосердное молчание Иса за спиной давит.

— Ты есть хочешь? — спрашивает Ванька, только чтобы не молчать.

— Сегодня было много умерших.³

— А... ясно. Чаю?

— Я заварю сам.

Ис бесшумно поднимается, прежде чем Ванька успеет что-то возразить, по-хозяйски открывает шкафчики, безошибочно отыскивая мешочки с чаем и травами — им же принесённые. Ванька смотрит на его движения, скупые и грациозные, и тоскливо размышляет: как вышло, что они... общаются? Между ними ведь пропасть лет, опыта... вообще ничего общего, даже принадлежности к человеческому роду! Не то чтобы он жаловался — нет, вовсе нет. Разве станет жаловаться щенок, взятый под опеку матёрым волком, отцом всех волков? Но в такие моменты, остро чувствуя своё несовершенство рядом с Исом, Ванька пытается и не может понять: почему тот всё ещё тут? Зачем приходит снова и снова, чем-то делится, чему-то учит, если давно уже ясно — этот щенок безнадёжен?..

³ «Сегодня было много умерших» — согласно представлениям египтян, Анубис помогает подготавливать умершего к бальзамированию, в процессе отрезая и съедая по кусочку от основных внутренних органов: это своеобразная ритуальная жертва ему.

— Позволь, — говорит Ис, мягко отодвигая Ваньку от плиты, и снимая чайник. Ванька отходит, машинально накрывая ладонью плечо, где его коснулись чужие пальцы. Плечо покалывает. — Сейчас заварится.

— Ну вот, — бормочет Ванька. — Вынудил гостя самого чай готовить...

— Ерунда. — Ис снова сидит у стола — будто и не поднимался. Он всегда сидит в одной позе: прямая спина, ровно стоящие ноги, руки лежат на коленях. Любой другой в этом положении смотрелся бы неестественно — Ис кажется непринужденно-расслабленным. — Я просто не хочу, чтобы ты снова обжегся.

Краска бросается Ваньке в лицо: тот случай с пролитым на себя кипятком он до сих пор не может вспоминать без желания спрятаться куда-нибудь поглубже и не вылезать. Вроде нормальный парень, а вечно то из рук все валится, то сам на ровном месте грохается...

«Идиот, — повторяет про себя Ванька. — *Идиот криворукий. И что Ис во мне видит?*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.